

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Л. М. Григорьев¹

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

УДК: 330.81, 330.82

doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-9

ИМПЕРИИ ДРЕВНИХ — ГРУБОЕ ОРУДИЕ ИСТОРИИ

«Невозможно избежать только двух вещей — смерти и налогов»

Адам Смит

В мире разрозненных племен, языков и почти первобытных ландшафтов империи жестким насилием расширяли масштабы концентрации ренты, фокусировали ее использование на инфраструктуру (дороги, плотины, каналы), оборонительные сооружения, храмы и дворцы. Концентрация вложения ведущей нации достигалась в определенной мере за счет грабежа других народов или налогообложения периферии империй. Они ускоряли обмен информацией, включая инновации, усиливали роль ведущих языков. В целом они проводили первичную организацию дорожного, производственного и информационного пространства. В промежутках между войнами и захватами территории они создавали условия развития внутри империй и торговли империй с окружающими странами.

Критическое отношение к империям как «агрессивному злу» ослабило внимание к их экономической роли, тогда как военно-политические аспекты стали объективно центральными как в истории, так и в сознании, создавая некоторый культурный код. Эффект (КПД) империй древности для последующего человеческого развития (в частности достижения науки, искусства) во многом зависел от качества управления, длительности существования и характера его завершения (катастрофа или адаптация). Гибель империй и гибель стран при создании империй отбрасывали человечество в развитии, но многие достижения науки, духовной жизни и материальные активы сохранялись и использовались впоследствии. Народная память и историко-литературные произведения, выработанные в периоды существования (процветания) империй древности, и последующая их мифологизация во многом определяют культурные коды стольких стран, особенно имперских народов или, наоборот, наций, сражавшихся с империями или освободившихся от империалистической зависимости.

Мы различаем аграрные и кочевые империи, пытаюсь охватить жизненный цикл империй между XIII в. до н.э. и V в. (падение Рима) прежде, чем христианство и ис-

¹ Григорьев Леонид Маркович — к.э.н., ординарный профессор, научный руководитель департамента мировой экономики, руководитель сектора «Структурных проблем мировой экономики» ЦКЕМИ факультета мировой экономики и мировой политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; e-mail: lgrigor1@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-3891-7060.

лам стали важным фактором жизни. Элиты в наше время стремятся подобрать исторический отрезок прошлого как элемент исторического кода для своих актуальных политических нужд.

Ключевые слова: Адам Смит, Евразия, империя, торговля, развитие.

Цитировать статью: Григорьев, Л. М. (2024). Империи древних — грубое орудие истории. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 59(6), 125–160. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-9>.

L. M. Grigoryev

National Research University Higher School of Economics
(Moscow, Russia)

JEL: F10, N73, N75, P33, P50, Z13

EMPIRES OF THE ANCIENT — A CRUDE TOOL OF HISTORY

In the world of different tribes, languages and slightly cultivated landscapes, empires through crude violence extended rent concentration scale, with the focus on infrastructure (roads, dumbs, canals), fortifications, cult centers and palaces. Investment concentration of a leading nation was achieved through robbery of other nations or through levying taxes on the periphery of the empire. Empires speeded up the information exchange, including innovations, and strengthened the role of lingua franca. In principle, they effected the initial organization of transport, manufacturing and information space. Between the wars and territorial conquest, they created the conditions for development within the empires and their trade with surrounding countries. Critical view of empires as an “aggressive evil” lessened the attention to their economic aspects, while their military-political role became central both in history and consciousness creating a certain cultural code. The impact of ancient empires (KPI) for further development of mankind (science and art, in particular) depended at large on governance quality, length of their existence and character of its termination (catastrophe or adaptation). Some technological and cultural developments were resulted from management and the degree of survival after collapses of empires.

We distinguish the agricultural and nomadic empires, trying to cover the life cycle of empires between XIII Century BC and 5 A.D. (fall of Rome), before Christianity and Islam came as a decisive factor. Modern elites strive to select a historic span of the past as an element of historic code for their current political aspirations.

Keywords: Adam Smith, Eurasia, Empire, trade, development.

To cite this document: Grigoryev, L. M. (2024). Empires of the Ancient — a crude tool of history. *Lomonosov Economics Journal*, 59(6), 125–160. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-10>

Введение

Трехсотлетие Адама Смита — достойный повод почтить великого экономиста еще более широким экскурсом во времени. Он основывал свой

труд «Исследование о природе и причинах богатства народов» на большом историческом материале. Также мы берем пример с Арнольда Тойнби, который написал свою книгу в 1947 г. и развил анализ четырех эпизодов столкновений Запада (идя от греко-римской цивилизации) с Россией, Индией, исламом и Дальним Востоком.

Мы верим, что замечательные книги об истории цивилизаций, царств, религий, войн оставляют некоторый простор для интересных наблюдений и выводов о жизни, рождении и уходе империй до монотеистического периода истории, а проще — до христианства и ислама. Особенно отметим работу Эми Чуа «День Империи» по истории создания и упадка империй, которая видит успех доминирующих империй в толерантности, а причину регресса — в потере ее (Chua, 2007).

Империи древности создавались харизматическими лидерами и их военными элитами из страсти к власти, славе и наживе и из страха быть завоеванными. Жестокость человеческой истории неотделима от действий империй и императоров, но такова реальность нашей истории в Евразии — большая часть этого пространства не могла избежать — так или иначе — воздействия империй в своем прошлом. Империя Кушан и Китайская империя нами подробно не рассматриваются по недостатку места.

В связи с попыткой объять необъятное мы применим метод организации эссе, состоящий из двух типов заметок: «размышления» и «эпизоды». Охват по времени взят от XIII в. до н. э. до начала X в. Во времени мы будем двигаться от битвы при Кадеше (хетты — Рамзес Второй) и предполагаемой Гомером осады ахейцами Трои до падения Рима. По важности темы мы рассмотрим и империю Чингисхана, который создал империю на базе кочевых (языческих) завоеваний. И мы специально остановимся на конфликтах вдоль восточного побережья Средиземного моря — Малой Азии и Леванта как продолжении древней традиции конфликта на этом «гейзере рент» при межконтинентальном обмене товаров и услуг (наем гоплитов и партизан).

Размышление 1. Империи создавались тысячелетиями — значит, они что-то делали...

Историки восхищаются империями, ненавидят империи, анализируют империи, смакуют империи. Наша задача иная — для периода до V в. (падение Рима) и пространства между Гималаями и Атлантикой взглянуть экономическим глазом на логику формирования, развития и падения империй. Если империи тысячелетиями появлялись и исчезали, то у них должна была быть некая функция. Какова роль империй, особенно конфликтов на разломе между Троей и Александрией... В марксизме это были государства рабовладельческой формации или дорабовладельческие общества. У политологов — это цари и войны, у культурологов — это языки, фрески, сказания. Хочется несколько засушить яркость древних культур и найти

логику их экономики и длительности существования, и даже поискать эффективность против издержек. Факт тот, что повторялась и повторялась грубая и обычно жестокая форма организации общества как империя с громадными потерями накопленных ранее материальных активов, но особенно человеческого капитала. Да и определение империи хочется немного пошевелить — так ли это просто, так ли это всем плохо...

С точки зрения пространства работа охватывает регион, который Арнольд Тойнби рассматривает как греко-римский мир на середину II в., разделенный на три империи: римскую, парфянскую и кушанскую (Тойнби, 2011, с. 312–313). Практически аналогичной является географическая определенность Азиатской части этого пространства в понимании Роберта Каплана (Каплан, 2015, с. 271–288). Мы выбрали несколько наиболее интересных, по нашему мнению, эпизодов — империи и «окрестности».

Разумеется, обычно наибольший интерес вызывают империи, образовавшиеся на развалинах греко-римско-персидских цивилизаций, христианские и исламские, их столкновения и последствия для наших дней. Но на сей счет первоклассных работ много. Наш интерес — поработать над империями, не скрепленными мировыми религиями. Так что мы пойдем другим путем — издалека, вглядываясь в то, что полезного для развития человечества делали империи. Помимо войн и разрушений при создании, удержании границ и попыток расширения, а также конечного распада, часто катастрофического, империи далекого прошлого существовали обычно как минимум два-три поколения лидеров, но иные и сотни лет. Что нам досталось от них...

Размышление 2. Что бы нам сказал Адам Смит по поводу коммерции в империях

Первая проблема Адама Смита: а есть ли «невидимая рука» рынка в судьбах коммерции внутри и между империями, архаическими государствами древности. Похоже, что концентрация доходов в автократических, монархических государствах в руках владык (здесь и далее) создает простор для развития монополии императора и его аристократии на рынках оружия, лошадей, ювелирных изделий, художественных произведений, монументальных зданий (их проектирования), храмов, дворцов, пирамид, и даже театров. Региональные губернаторы, местные вожди, аристократы (здесь и далее) могли улавливать часть ренты на свои войска, роскошь и здания и виллы... Во всяком случае они это делали в столицах и больших городах, региональных центрах (вчера «центр» — завтра «столица»). В этом случае они могли создать конкуренцию на стороне спроса, хотя с нашего угла кажется, что это власть, а не цена. Предложение артизанов могло быть конкурентное. Монополия на ключевые архитектурные, художественные решения была в Египте (село мастеров). Банки появляются

в Греции в IV в. до н.э., помимо широкого распространения кредитной активности храмов.

Мы видим рынок с массой покупателей и конкуренцией производителей в XVII–XVIII вв. в Голландии и в Англии, но конкуренцию за заказы в далекой Азии трудно увидеть сквозь пыль веков помимо традиционных шелка, чая. Рим импортировал массу товаров потребления, конечно, там появлялась конкуренция источников. И в ранних империях могло быть коммерческое или насильственное перемещение артелей внутри больших государств или между ними в мирное время. Локальные монополии вполне возможны — свободный рынок вряд ли. Стабилизация политической среды: мир, власть, налоги, безопасность — могла создавать в больших городах элементы конкуренции цены и качества по тканям, оружию, посуде, массовым украшениям... Лесли Уайт пишет в главе “Economic Structure of High Cultures”: “Wars, conquests, and imperialism marked the development of great cultures of the Agricultural revolution. International competition and conflict became intensified as cultures developed within the rather fixed and finite limits of natural resources” (White, 2007, p. 352).

Адам Смит вздохнул бы и сказал: «Правовое поле было малопригодным, риски были большие. Но любовь к искусству и техническим инновациям у ремесленников явно была. И рука выгоды была у того, у кого были руки с даром к ремеслу и торговле... Сложно представить у них конкуренцию однородных товаров по цене. Но прибыли были большими».

Эпизод 1. Место и время действия — разнообразие стран

Место действия империй Евразии — гигантские просторы от Монголии до Англии и от Персии до Франции. На старте развития цивилизаций — это сложная природа, поясами от степей и гор до тайги и средней полосы Европы. Тут минимум пригодных «дорог», сколько-то обработанных полей и освоенных месторождений. Племенные территории, оспариваемые границы, трудные отношения между соседями... Первые государства и концентрация ренты у владык — попытки захвата для грабежа, расширения своего контроля для сбора «налогов». Коммуникации — долгие, информация течет медленно, движение инноваций — спорадический перенос знаний — дуют с Востока на Запад, вслед за торговлей. Одним словом — Евразия!

Множество племен и относительно крупных племенных образований к XIII в. до н. э. уже наработали свой язык, культуру, государственность более или менее сложную. Временные промежутки между переселениями племен, походами на соседей и просто набегами значительные, но ретроспективно выглядят непрерывными — промежутки скрадываются. Китай оказал огромное культурное воздействие на весь Евразийский мир, но сам в походы на Запад не ходил, а был жертвой кочевников. Кушанская империя имела относительно короткую («всего» два века) историю. Экономика Египта отпугивает тем, что все слишком зависит от Нила, а избы-

точная рента (сверх ирригации) столетие за столетием уходила на пиратимы и ритуалы.

«Ветер дует с Востока» — перенос семян, изобретений от монгольских степей и Китая к Европе в полосе 30–53 градусов широты в Евразии, через ворота между горами и горами. Эффекты Чингисхана и его потомков (XIII–XV вв.). Огромная территория Евразии в значительной мере была заселена хаотическими движениями народов и племен, обосновавшихся и обжившихся на «своей» территории. Они сталкивались на границах, видели друг друга глазами купцов, кочевников и грабителей. Они образовывали те или иные племенные союзы, государственные образования, говорили на разных языках, владели различными технологиями, перенимали друг у друга инновации в неспешном порядке. Элиты племен жили относительно сносно, завидовали соседям, искали способы расширить доходы и территорию контроля или обезопасить себя, особенно если была история грабительских вторжений. Тут появились завоеватели и «включили» империи (рис. 1).

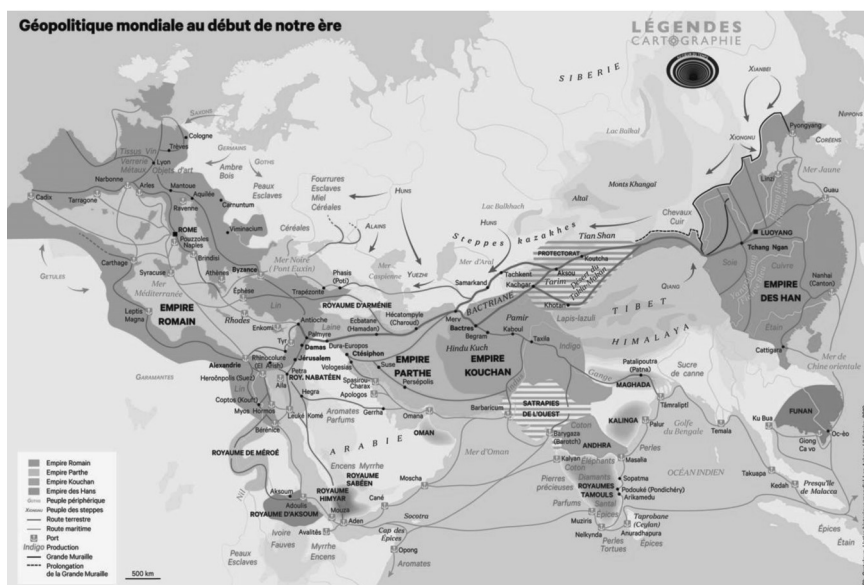

Рис. 1. Место действия истории

Размышление 3. Империи реорганизовывали пространство: издержки и бенефиции

Мы не погнушаемся начать с определения от Википедии, поскольку это указывает на некий общий знаменатель в отношении к империям, один

из значимых путей формирования стандарта или кода: «Импѣрія (от лат. *imperiū* — власть) — монархическое государство во главе с императором или колониальная, либо международно значимая держава, опирающаяся в своей внутренней и внешней политике на военные сословия (организованную армию) и действующая в интересах военных сословий. ...Имперская идея может формулироваться по-разному, но суть ее всегда сводится к одному: удержание и эксплуатация провинций, а также приобретение новых территорий. Бывало, что империя объявляла себя покровителем той или иной религии (например, Российская империя — православия, Османская — мусульманства, Австро-Венгрия — католичества). ... Признаки империи: наличие сильной армии и полиции; большое внешнеполитическое влияние; мощная национальная идея (религия, идеология); жесткая, как правило, единоличная, власть; высокая лояльность населения; активная внешняя политика, направленная на экспансию, стремление к региональному или мировому господству».

Длинная общедоступная цитата явно писалась политологами с некой ясной идеей империализма как агрессивного зла по опыту многих империй разных времен. Захват территорий, населенных иными народами, использование их доходов, пространства для создания большого государства с политическим доминированием и экономическим выигрышем элиты «главного — имперского племени» — вот минимум в определении. Но мы полагаем, что империи, прежде всего, разные, особенно по типам: колониальная, континентальная — морская, и оседлая — кочевая, и по способам формирования.

Единоличная власть во всех империях — почти типично на старте, но не гарантированно потом, могли быть и слабые лидеры. «Высокую лояльность» населения надо доказывать, тем более что это могло относиться только к части субъектов при подавлении части регионов или меньшинств, так что стоило бы разрабатывать внутреннюю структуру. Экономику империй обычно не упоминают — так что наши задачи становятся важными: какие экономические функции выполняют империи и как финансируют свои цели, элиты и военные классы. Даже монархизм представляется не обязательным — мы полагаем, что Рим стал империей до Октавиана Августа.

Не пытаюсь дать свое исчерпывающее определение империи, которое закрывало бы все многообразие объекта за тысячи лет, стоит обратиться к историку Алексею Миллеру (*Nationalizing empires*, 2015, p. 647–660), который показывает сложность взаимодействия понятий империй и национальных государств. Мы бы добавили еще фактор идентичности, который становится все важнее в современную нам эпоху уважения к меньшинствам, а также «матрешечные» государственные образования, доставшиеся нам в том числе от далекого прошлого, которое мы рассматриваем в этой работе.

Обычно империя базировалась на «главном» племени или нации, абсорбируя в свое государство иные народы, особенно соседей (или колонии). Империи обеспечивали в пределах своего существования концентрацию налогов, ренты, доходов для поддержания имперских интересов, контроля регионов и границ. Расширение империй могло идти и «мягким» ползучим порядком без разгрома присоединяемых племен. Вслед за Манкуром Олсоном можно попробовать различать «империи — грабители» и «империи — стационарные бандиты». Соответственно, одна и та же империя — в лице «главного» («имперского») племени может стартовать как грабитель и захватчик, но переходить к «стационарным» формам контроля в пределах ранее включенных территорий. Как правило, империи концентрировали ресурсы в «центре» и на направлениях торговли и развития. Хотя никто не может гарантировать, что ее «грабительские» инстинкты никогда не вернутся вновь.

В древности «стационарность» также была возможна при определенных «аристократических» альянсах в империи, союзнических отношениях, сплочении перед лицом третьих сил (общих угроз). Со временем империи обычно «предлагали» — тем или иным образом — инкорпорированным племенам переходить на единый язык (в правовых и бюрократических вопросах). Здесь мы можем прибегнуть к помощи выдающегося историка Амартии Сена, который подчеркнул важность идентичностей: “First, recognition that identities are robustly plural, and that the importance of one identity need not obliterate the importance of others” (Sen 2006, p. 19). Сохранение регионами и меньшинствами своей идентичности часто способствовало разрушению империй впоследствии. Отметим, что это важно не только в дихотомии: главное племя — остальные племена, но и в многоуровневых («матрешечных») системах. Попытки распространить единое право и регулирование, включая язык права, в империях, видимо, реализовывались более устойчиво, чем язык, религия, культурные коды.

Мы полагаем важным подчеркнуть, что бытие империи не исключает, а предполагает существование продуктивной экономики — только на одной эксплуатации колоний или подавленных народов просуществовать трудно. Правда, спартанцы были близки к этому в ситуации с илотами, а Рим (особенно сам город) на определенной стадии потреблял настолько больше собственного выпуска (если не переоценивать ВВП госуправления), что мог бы считаться паразитом своей империи и всей ранней Средиземноморской глобализации. Концентрация ресурсов грабительских империй уходила на следующие завоевания и «жизненный уровень» элит. Империи «оседлые» континентальные вынуждены были строить города, дороги, каналы для консолидации контроля (Сасаниды). Самое интересное — это использование колониальной ренты европейцами, что ближе к нам по времени и по месту.

Виды империй по происхождению в рассматриваемый период можно определить так: сильнейшее племя доминирует (Америка, Африка); Греция без империи — города-государства; вокруг лидера и армии — Александр, Чингиз-хан; континентальные соседи на плато (китайские княжества — Цинь Шихуан); вторжение кочевников в Европу (гунны, монголы). И настойчиво хочется сказать, что еще есть отдельная категория: “*By all means — Rome*”, — как сказала Одри Хэпберн в «Римских каникулах». Рим — это квазидемократия со способностью к внутренней адаптации в течение VI–VII вв. Рим — потребитель достижений Греции, Карфагена и всего Средиземноморья; победитель и эксплуататор; старейшина империй, переживший все «нормы», но не ушедший от судьбы.

Издержки и бенефиции империи:

- издержки организации империй, захватов и прочее;
- бенефиции сохранения империй для «центра»;
- издержки/бенефиции для народов периферии внутри империй: включение племен и регионов в большие системы, открытие мира;
- империя как единое институциональное пространство;
- внешние конфликты как фактор поддержания империй;
- строительство гидротехнических сооружений для ирригации;
- строительство столиц, городов, дворцов и храмов;
- усовершенствование оружия, предметов роскоши, тканей, скульптуры;
- распространение информации, передача технологий;
- единое пространство для торговли, особенно в периоды мира;
- длительность существования как фактор роста бенефиций для всех;
- движения племен, «варваров» извне как фактор дестабилизации;
- «восстания меньшинств» внутри как фактор неустойчивости;
- вложенные (матрешечные) системы подчинения меньшинств — равномерность внутреннего развития и неустойчивость режимов.

Эпизод 2. Хетты — Рамзес Второй — Троя...

Малая Азия — Месопотамия — Левант, Персия и Египет — букет важнейших центров развития человеческой цивилизации. Рядом Египет в некотором отдалении — за Нилом, и Персия нависает с Востока. Жизнь бьет ключом в Средиземноморье, но разве правители могут спокойно смотреть на процветающих соседей. Нам кажется, что Эпизод 2 — это начало XIII в. до н. э. — битва на колесницах при Кадеше на границе между царем хеттов Мутавалли Вторым и фараоном Рамзесом Вторым. Последний вернулся из неудачного похода в Египет и заказал изумительное (сохранившееся) золотое кольцо с изображением двух коней, которым он был обязан своим спасением в битве. Обе стороны объявили себя победителями, так что это хороший стартовый пункт для размышлений об империях.

Хетты уже вели разумную хозяйственную деятельность, налоги записывались, как и события в империи и вокруг.

Но также это ставит вопрос о Леванте, который лежит между Египтом и проливами Босфор и Дарданеллы (по-современному) как удивительная полоса плодородия, климата, морских курортов и меридиан центров торгового обмена европейских товаров на азиатские. Вот тут самые высокие цены, прибыли, налоги, взятки таможенникам — «гейзер рент» в обе стороны. И это объект соперничества между соседями, включая греков и финикийцев, иудеев, пальмирцев, набатейцев, вавилонцев и персов, а потом македонских диадохов, римлян, крестоносцев, исламских государств, европейских колониальных держав и так до наших дней (рис. 2).

Рис. 2. Хетты и Египет

Размышление 4. Троя — Аполлон — Гомер...

Хетты в XIII в. контролировали Малую Азию, и в своих хрониках кратко упоминают Агамемнона («нашего брата») и Александра (видимо, Париса). Ахейскую Армаду Гомера они бы заметили, особенно битвы с вовлечением соседей, массы кораблей, битвами и разрушением города Трои, предположительно на их территории — недалеко, в общем, от Кадеша. Так что мы не будем настаивать на той или иной версии Троянской войны

в реальной истории. Зато жанр позволяет нам взглянуть на реалии такой войны — как первой известной нам в борьбе за Левант. Доходы городов-посредников, купцов и их царей были огромными. Власть Трои простиралась — нам дает понять Аэд — вглубь Малой Азии и позволяла содержать конную армию Гектора. Потом аналогично процветали Карфаген и, наверное, иные города в пределах греческой Ойкумены. Мы полагаем, что Агамемнон и тридцать царей хотели ограбить знакомый город, перехватить торговую ренту. Правда, конец Илиады не содержит никаких типичных триумфов победивших царей, Агамемнона просто убивают дома по возвращении, и только Одиссею кое-что троянское удалось вывезти, но вся команда и все добро гибнут по дороге. Невеселый конец для победителей.

Примем историю Трои, но мы не поверим в кражу Елены троянским принцем Парисом. Думаем, что она после десяти лет брака с Менелаем (ей 27 лет, дочь Гермiona — 8 лет) почувствовала себя «Анной Карениной Древней Греции» и сбежала с молодым принцем². Троя под руководством Приама была, видимо, в состоянии извлекать огромную ренту от посреднической торговли между Азией и собственно Грецией. Город был — верим — прекрасен, как Карфаген, Константинополь, как большой морской военно-торговый центр, контролируя значительную аграрную территорию, как потом Карфаген. Жили в нем греки, поклонялись греческим богам. Аполлон был покровителем города и лично Гектора, он и направил стрелу Париса в пяту Ахиллеса. Сам Арес — бог войны вместе с Артемидой и Афродитой воевали за Троию. Тем более «политическим» выглядит такой жестокий триумф Афины.

Аэд Гомер сочинил «Илиаду» и «Одиссею» в VIII в. до н. э. после четырех «темных» веков и разгрома Микенского мира неведомыми до сих пор «народами моря». Последовавшее в VIII—VI вв. до н.э. расселение греков-дорийцев по Средиземному морю и Малой Азии потребовало нового набора героических поэм: мыльной оперы об Ахиллесе (Илиада) и путешествия Одиссея по морям со страшными историями. Это был спрос на литературу и на чувство защищенности своими богами в Средиземном море, т.е. у них был спрос — Гомер со товарищи (рапсодами) обеспечил предложение. Удивительные греки смогли с антрактом в полтысячелетия сочинить целых два набора эпоса (задолго до Библии): сначала подробно все о богах Олимпа плюс «Подвиги Геракла» и «Аргонавты». И четыре «темных века» не помешали уцелевшим ахейцам и вновь пришедшим дорийцам сохранить все детали огромного мира богов и героев (наверное, на Эвбее и на Крите). Римляне изобрели троянца Энея, чтобы создать себе некоторую древность и преемственность на старте мифологизации.

² Афродита за выигрыш конкурса красоты обещала Парису «самую красивую женщину Греции», но конкурс не проводился. Любая дама, выбранная Парисом, становилась «Мадам Вселенной» — стимул к бегству, хотя верим в любовь с первого взгляда.

В заключение отметим, что чрезвычайно жестокий финал «Илиады» в отношении Трои, ее жителей и героев поэмы выходил, полагаем, за рамки тональности повествования — «всех порешить». В античные времена литература, надо полагать, уже была способом формирования культурных кодов, причем «Илиада» и «Одиссея» особенно важны. А значит, разгромы Карфагена и Коринфа были до некоторой степени «допустимы» для латинян, которые инкорпорировали греческую культуру. Так что даже отдаленные от нас на тысячелетия реальные события могут обладать своей исторической или литературной предысторией (так сказать — колея между древними) (рис. 3).

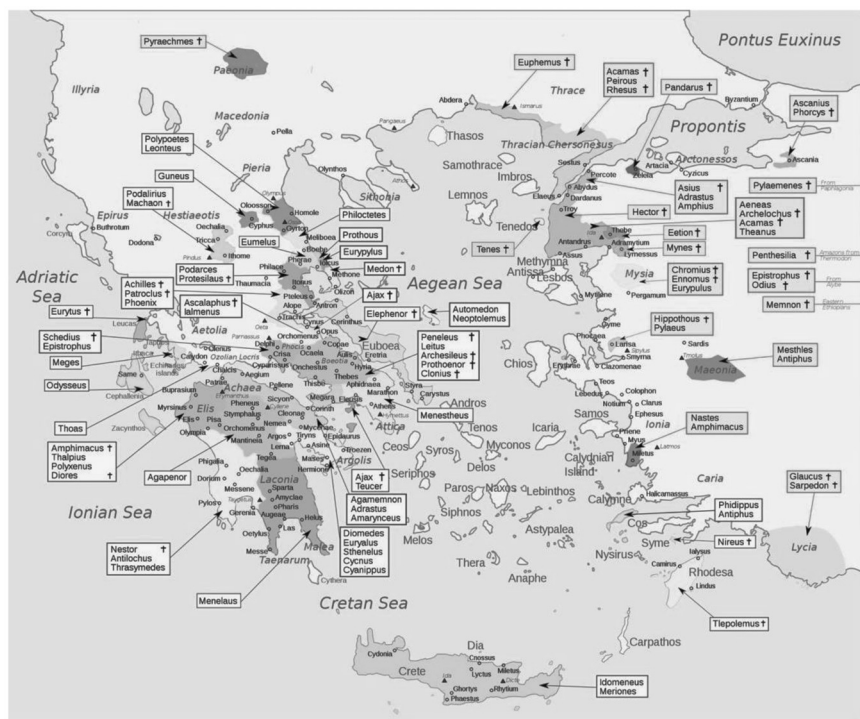

Рис. 3. Карта участников Троянской войны

Троянская война важна для истории греков и человечества, поскольку формировала наши культурные коды, а грекам давала психологическое основание верить в надежность своих богов и свою способность противостоять азиатским угрозам. Но на самом деле Агамемнон и армада шли грабить богатый город и перехватывать ренту от посреднической торговли под предлогом скандала в частной семейной истории. Полагаем, что в VIII в. до н.э. у аэдов был еще и второй финал — менее примитив-

ный и жестокий — военной истории осады Трои. После девяти лет тупика ахейцы как-то подозрительно просто и легко за один день обманывают троянцев с помощью деревянного коня размером с автобус.

В это сложно поверить даже в рамках легенды при большом пантеоне дружественных Трое богов. Вряд ли аэды могли много заработать около ключевых храмов Аполлона в Дельфах, в Коринфе, Сиракузах и по всему малоазиатскому побережью, особенно в Дидиме, рассказывая прихожанам о тотальном провале бога Аполлона защитить свой город и Гектора (стрелу Париса в пятку Ахилла отправил он сам). В голову приходит мысль, что при правлении диктатора Писистрата в Афинах жрецы богини Афины записали канонический ныне вариант Илиады. А жрецы Аполлона не сообразили, что происходит создание антиаполлоновской культурной традиции. Никто также не обращает внимания на то, что Афины и Аттика — далеко не главные игроки в Троянской войне (да и в VIII в. до н.э.). Но Афины и их воинственная богиня Афина с копьем и оливками играет ведущую роль во всей истории персидских войн. Также заметим, что цари-победители в Грецию возвращаются из троянского похода без триумфов, без золота и рабов — весьма не типично для победителей того времени. Агамемнона прирезала жена «из личной неприязни», а боги отнеслись к этому вполне безразлично.

Для нас здесь важно то, что греческие «цари-грабители» располагали избыточными резервами вооруженных гоплитов на найме и нападали на царя — стационарного торговца. И второе — Троя вместе с Левантом — это важнейшая полоса межконтинентальной торговли — тут всегда было, что грабить.

Эпизод 3. Персы и экспансия Персии — противостояние грекам и римлянам

Империи с центром в Персии сменяли друг друга с войнами, появлением династий, возникновением конфликтов в семьях. В пределах избранного нами периода можно видеть, что богатство событий персидской истории, эпоса, архитектуры, сложность государственных институтов близки, на наш взгляд, к сведенной вместе греко-римской истории. Напомним выборочно (и бегло) самых известных царей в связи с их конфликтами с греками и римлянами:

- 700 г. до н.э. — держава Ахеменидов;
- 558–530 гг. до н.э. — Кир 2 Великий — Персидская империя;
- 522–486 гг. до н.э. — Дарий 1 Великий — неудачные походы к скифам и на греков;
- 486–465 гг. до н.э. — Ксеркс 1 — мировая империя, проиграл грекам Саламин и Платеи;
- 401 г. до н.э. — «Анабазис» Ксенофонта — поход 10 тыс. греков через Малую Азию;

- 336–300 гг. до н.э. — Дарий 3 — разгром от Александра Македонского;
- 223–187 гг. до н.э. — Антиох 3 Селевкид — поражение от Сципиона Азиатского при Магнезии (190–189 гг. до н.э.);
- 123–87 гг. до н.э. — Парфия, Митридат 2 Великий, поражение от Суллы (86 г. до н.э.);
- 65 г. до н.э. — победа Гнея Помпея над Митридатом;
- 53 г. до н.э. — гибель Марка Красса (победитель Спартака в 74 г. до н.э.) — катастрофа при Каррах от парфян;
- 241–272 гг. — Шапур 1 победил и захватил императора Рима Валериана;
- 309–379 гг. — Шапур 2 победил императора Рима Юлиана.

Бесконечные войны в Азии, в которой Персия оказалась посередине, династические конфликты в Персии существенно отличаются от европейской картины не только языками, богами и культурой, но основой существования — экономикой. В Персии и в Азии в целом — сельское хозяйство, ирригация, лошади, скот. Масштабы каменных сооружений и металлургических работ (кони Персеполиса и т.п.) намного превосходят современные им работы в Греции. Концентрация рент с больших населенных пространств Месопотамии и Персии была гигантской. Даже разгром империй не всегда подрывал знания в экономической деятельности, хотя масштабы и сложность применяемых технологий, конечно, страдали (рис. 4).

Рис. 4. Персеполис перед глазами македонской деревенской фаланги

Деятельность классического образцового правителя Хосров I (531–579 гг.) Сасанидской эпохи, увековеченного Фирдоуси в «Шахнаме» так описана в истории Абу Джафаром Мухаммад ибн Джарир ат-Табари: «Хосрой велел рыть каналы и водопроводы, велел выдавать ссуды владельцам культурных земель и оказывать им поддержку; равным образом он велел восстановить все разрушенные плотины и сломанные каменные мосты и все разрушенные селения, приведя их в наилучшее состояние, в каком они находились ранее...» (Громов, Табаи, 2017, с. 121). Собираемая рента позволяла содержать армию в «обычных условиях», ремесленники и торговцы обеспечивали внутренний рынок. Устойчивость экономики тем не менее в Азии трудно было гарантировать, поскольку в соседних и отдаленных странах могли появляться новые харизматические лидеры (успешные) или авантюристы (провалившиеся), которые создавали военную опасность для Персии или иной страны с аграрной базой. Противостоять сконцентрированной заранее армии вторжения (племени на конях), если сам не готовишься к встречной войне, а к обороне длинных границ пехотой и крепостями, трудно, но приходится.

Функции континентальных «неподвижных империй» включают завоевания и освоение соседних пространств, создание условий для торговли, ирригации, концентрации ресурсов в столицах для строительства дворцов и храмов. Попытки дальних завоевательных походов с помощью ополчений проваливаются. Для таких задач нужно безвыходность (иначе «погибнешь как обры») мигрирующих племен или профессиональная армия, которые пробивают рубежные крепости и громят местные ополчения.

Разумеется, империи Азии стремились к расширению границ, особенно выходу в Левант к Средиземному морю — за большими торговыми доходами, устойчивому обмену и по возможности еще и контролю над греческими городами, которые так удачно и выгодно расположились на островах и в бухтах. Рим не мог удержаться от продолжения экспансии по своим причинам: «имперская привычка»; интерес очередного избранного консула (потом императоров) к славе и наживе; сопредельные страны лучше знаешь и видишь возможные приобретаемые активы и доходы, обычно есть и повод для конфликта. В Леванте Рим с его мобильными легионами был сильнее персидских войск. Но движение внутрь континента — это иное дело. И попытки повторить поход Александра Македонского у римлян трижды окончились фиаско. Левант остался яблоком раздора от Трои и до XXI в. Персия — хорошо помнит свою культурную и имперскую историю, а победы над Римом входят в ее культурные коды.

Эпизод 4. Афины — Персы — Спарта — Македония

Удивительный период истории Греции VI–IV в. до н.э. дал уникальный опыт реформ, борьбы с превосходящим врагом и неспособности победителей уложиться в разумные рамки.

Первый фактор — реформы Солона (594/593 гг. до н.э.): прощение долгов (изредка повторялись в истории), иногда еще их обесценение или банкротство, главное — расчистка экономического пространства для нового роста. Но Солон был первым, и он спас от рабства многих свободных граждан Афин, чьи потомки воевали с персами и спартамцами. Вместе с демократическими элементами пакета Солона социально-политические последствия отмены долгов (в ущерб кредиторам) были не менее важными, чем непосредственно хозяйственные.

Второй фактор — это собственно греко-персидские войны. Военно-политическая часть всем известна. Нам важно то, что громадные войска Персидской империи все же состояли из «ополчений», а профессиональные компоненты были либо собственные, но невелики, а во многом состояли из тех же греков, которым надо было куда-то продаваться на службу, тем более что не все города Греции были патриотами «насмерть». Заметим, что «перенаселение гопплитов» — характерная часть истории Греции тех веков говорит о нехватке земли и земельной ренты. Малоазиатские греки процветали во все времена (между разгромами) как от морской торговли, так и земель более плодородных, чем в самой Греции. Но главное, они вели дела на свое усмотрение, независимо в том числе от местных племен (Смит, 2007, с. 541). В Средние века по тем же причинам немцы и швейцарцы воевали за деньги.

Персидские войны показали в явном виде ограниченность военной мощи сухопутной (аграрной) империи за пределами исторически освоенной и понятной территории Азии. Координированные перемещения (логистика) против мобильных, профессиональных и отчаянных «туземцев» оказались неудачными и в Скифии, и в Греции как в ходе битв, так и между ними. Греки располагали вполне мобильным социальным слоем профессиональных военных, а вместе со спартамцами, боеспособная часть населения воюющих городов-государств была очень значительной по сравнению с мобилизованными подданными империй данного типа. Македония не была активным участником защиты Греции в V в. до н.э., так что намерения Александра Македонского отомстить за греков выглядят скорее предлогом для попытки завоевания Персии (рис. 5).

Доказательством военного превосходства греков-профессионалов стал знаменитый поход «Десяти тысяч» (370 г. до н.э.), описанный его участником Ксенофонтом. Потеряв своих генералов в результате предательства на приеме у побежденных, средний командный состав провел армию с боями от Месопотамии до Трапезунда. Сама же книга «Анабазис» стала чем-то вроде путеводителя для Александра Македонского через сорок лет. Участники всех конфликтов того времени прекрасно понимали важность разведывательной информации по географии, топографии, людским ресурсам, качеству бойцов. В принципе при даже слабой координации городов греки могли бы удержать контроль над Средиземноморьем, если

бы не несколько важных обстоятельств и событий, которые произошли после победы над персами.

- В историографии греко-персидские войны принято делить на две: (первая — 492–490 до н. э., вторая — 480–479 до н. э.) или три войны (первая — 492 до н. э., вторая — 490 до н. э., третья — 480–479 (449) до н. э.).
- Восстание Милета и других городов Ионии против персидского владычества (500/499—494 до н. э.).
- Вторжение Дария I на Балканский полуостров, окончившееся его поражением при Марафоне (492—490 до н. э.).
- Поход Ксеркса I (480—479 до н. э.).
- Действия Делосского военного союза против персов в Эгейском море и Малой Азии (478—459 до н. э.).
- Афинская экспедиция в Египет и окончание греко-персидских войн (459—449 до н. э.).

Рис. 5. Основные этапы греко-персидских войн

Объединенные города греков победили персидскую империю в оборонительной войне, но индивидуализм городов не ослаб. Экономическое превосходство Афин стало еще более заметным, а возможность собирать военные налоги в рамках Морского союза была не только соблазнительна, но и подталкивала к гегемонии. Мы не увидели Афинской морской демократической империи отчасти потому, что греческие элиты городов-государств дорожили своей независимостью, а внутренние традиции оберегали их от чрезмерной зависимости. А в Афинах тенденция к доминированию поддерживалась социальными низами. Не вдаваясь в дискуссию, которая идет две с половиной тысячи лет, процитируем В. Р. Гущина: «Тезис о тесной связи между афинским империализмом и демократией стал общим местом современной историографии» (Гушин, 2021, с. 291).

Третий комплекс факторов — почему империя Афин не сложилась, связан с войной отворачивания (“attrition”), ловушкой Фукидида и чумой в Афинах. Фактор Спарты, которая дала нам столько историй славы и мужества при весьма некрасивой системе рабовладения над племенем илотов, также имел историческое значение. Конфликт «отворачивания» двух ведущих государств дал нам «ловушку Фукидида»: пытались было избежать войны, но не смогли. Чума (430 г. до н.э.) или неизвестная болезнь в Афинах привела к потере 25% (до 100 тыс.) населения и отдала победу спартанцам. Шанс на большое греческое государство с базой в Афинах был невелик, но тут он исчез. Дальнейшее ослабление Греции шло на пользу соседу — вполне традиционной Македонской монархии, которую при желании можно считать общегреческой империей.

Четвертый фактор — победы Александра Македонского, с нашей точки зрения, дали короткий блестящий момент истории Евразии — масштаба

не менее, чем у Чингисхана. Создание мировой империи мечами одного войска и одного военного гения показывает относительную «беззащитность» континентальных аграрных государств (рис. 6).

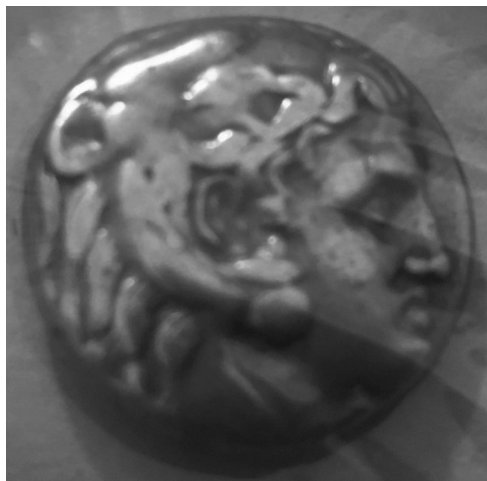

Рис. 6. Тетрадрахма Александра Великого

Ударное профессиональное македонское войско (50 тыс., включая 7 тыс. греков) Александра Македонского приходит под предлогом «отмщения» за вторжения персов несколько веков ранее. Оно побеждает гигантскую сборную армию Дария и проходит от Нила до Афганистана и Индии. Кстати, греческий наемный контингент в 30 тыс. гоплитов был наиболее боеспособным ядром армии персов, так что подавление вооруженного сопротивления Греции македонцами завершилось далеко от дома. Великий воин — Ахилл наяву — разрушает активы и собирает богатства полудюжины богатых стран, созданные веками трудом миллионов строителей. Он уничтожает Персеполис (как Трою или Карфаген — кому что ближе), нарушает системы ирригации и отбрасывает хозяйство побежденных на поколения вполне как чингизиды.

Мы полагаем реальным стимулом нашествия жадность и зависть к богатым соседям (свершилась мечта Агамемнона). Военную добычу Александра в Персии историки оценили в полтысячи тонн золота и четыре с половиной тысяч тонн серебра — рекорд, перекрытый только тремя веками грабежа Америки (de Callataÿ, 1989, з. 259–278). Желание последующих поколений видеть в нем героя, а не македонского грабителя, дает основание поверить в важную имперскую причину свершить великое общегреческое деяние для объединения под эгидой Македонии. Но зачем он ходил в Азию с таким замахом завоеваний помимо славы и золота, споры идут до сих пор, уходя в фантастические религиозные области.

Гигантское драконье яйцо «кратковременной» империи Александра Македонского треснуло сразу после его смерти и дало жизнь нескольким государствам диадохов. Произошло распространение греческой культуры в Азию и Египет, что так умиляет историков и археологов. Разрушения в Персии будут преодолены со временем, и она будет возрождаться и возрождаться. Но вот экономические последствия для Греции были не столь очевидны. Мы не уверены, насколько историки затрагивают аспект технологических аспектов эмиграции. Александр сдвинул греческих ремесленников в свои двенадцать Александрий. Наверное, они получили стабильные рынки сбыта и повысили свое благосостояние в эмиграции. Безусловно, это можно рассматривать как содействие развитию Азии и Египта. Однако это изменило характер функционирования Леванта как меридиана роста рент. Вряд ли можно подтвердить или опровергнуть догадку о сокращении экспорта обработанных товаров из Греции. Во всяком случае, после исхода солдат и ремесленников на новые земли мы не слышим внятных указаний на процветание. Главными игроками становятся вполне монархические македонцы, пока им на смену не придут римские легионы с их демократически избранными консулами.

Эпизод 5. Рим — перерождение города в империю

«Великие нации никогда не беднеют из-за расточительства и неблагоразумия частных лиц, но они нередко беднеют в результате расточительства и неблагоразумия государственной власти».

Адам Смит

Римская империя может рассматриваться как образец и исключение в силу длительности ее существования, масштабов удачи и эффективности формирования и функционирования. На протяжении значительной части своей истории это было пространство ранней глобализации внутри империи и стран вокруг Средиземного моря, обеспечивая единство институционального пространства вплоть до кодификации торговли (Норт, 1981, гл. 8). Но и она не избежала участи других империй при ослаблении ядра, проблем в провинциях и ударах извне. Поскольку римская история хорошо изучена, то мы будем стараться подчеркнуть несколько важных социально-экономических моментов на многовековом пути.

На своем раннем этапе город Рим формировал политические, социальные, военный институты и средства выживания, расширения территории. Римляне оказались чрезвычайно талантливыми в прикладных вопросах и в частности в адаптации чужих знаний и технологий для нужд армии и градостроительства. Процесс расширения владений города по Италии был в сущности «естественным» захватом до границ полуострова. Нова-

цией Рима стала быстрая инкорпорация завоеванных италиков в римскую общественную структуру, что говорит о большом здравом смысле, нежели о гениальности. Заселить все эти земли было бы нереально, а постоянно держать всех вокруг в подчинении и под военным контролем — сложно и хлопотно. Расширение территории в Италии дало ресурсы для экспансии вонне полуострова. Заметим, что идея заселения свободных пространств ветеранами помогла обеспечить будущую империю солдатами, так и обеспечить стимулы для рекрутинга. Пока Рим имел ядро армии, обеспеченное своими гражданами из ядра страны, он мог вести экспансию при практически полной надежности легионов.

После ранних успехов и при сложной внутренней социальной борьбе Рим сталкивается с Карфагеном. Мы думаем, что уже захват Сицилии, Сардинии и Корсики ставит Рим на «порог империи». Столкновение идет с Карфагеном (до миллиона населения по оптимистическим оценкам) — торговым городом с ограниченными сельскими ресурсами для пехоты, хотя климат был тогда более благоприятным для земледелия в Африке. Пунические войны вырабатывали у Рима цель, ресурсы и решимость ликвидировать все угрозы — вполне имперская логика. Видимо, страх перед Ганнибалом, поражение при Каннах (216 г. до н.э.) с их огромными потерями изменило что-то в психике жителей и логике элиты Рима. После победы во 2-й Пунической войне начинается практически непрерывная экспансия Рима. Римляне разбивают сирийского царя Антиоха Великого (190 г. до н.э.), потом македонского Персея (168 г. до н.э.). Историки сообщают, что триумф Эмилия Павла шел три дня, причем в первый день на 250 телегах везли статуи картины греческих мастеров. В этом специфика образованных грабителей — свезти все к себе (как Британский музей), а колониям оставить обслуживание империи и граждан Рима, кто чем умеет. И в этом специфика КПД Рима³.

И претенденты на должность консулов начинают обещать избирателям все больше и больше. И тут происходит важнейшее (недооцененное, по нашему мнению) социальное событие — правящая элита Рима позволила себе на «македонской добыче» отменить (в 167 г. до н.э.) взимание налогов с граждан Рима. Город после тяжелых испытаний вдруг оказался заполнен награбленным на Востоке, пленные со всех углов Средиземного моря стали рабами. Империя, вероятно, создавала определенные финансовые резервы, но вопрос о бюджетном дефиците с тех пор был увязан с новыми завоеваниями и грабежами.

³ Одними из рассматриваемых позитивно особенностей римских завоеваний были использование ими чужих технологий и коллекционирование предметов искусства. И незаметно забывается, что римляне разгромили школы и мастерские. То есть многие мастера продолжали работать на римлян — заказчиков (вместо своих царей и аристократов), много всего копировалось в Риме перевезенными мастерами. Однако не видно дальнейшего «взлета искусства покоренных народов» — само это выражение звучит как *misnomer*.

Консулы обычно обещали развлечения и раздачи из своих средств (что толкало на коррупцию для их возврата — теперь это именуется «отбиванием»), и стремились получить право на поход и радикальное обогащение себя и сограждан, отвыкших работать. Размер извлекаемых из провинций доходов — величина неустойчивая, а потребности Рима как империи, армии росли плюс миллион и более иждивенцев — избирателей. На эти средства строили храмы, склады, портовые сооружения. Мы не хотим перечислять параметры и перебирать числа убитых, пленных, тонн серебра — происходит общий перелом в ситуации в регионе, куда только могли идти римские легионы.

В 146 г. до н.э. Рим разрушает Карфаген, который начал было экономически возрождаться, то ли из опасения соперничества, то ли из ненависти. После чудовищного избиения жителей последние карфагеняне были проданы в рабство. Римляне уничтожили все, что могли, чтобы стереть память о Карфагене. Но практичность римлян и тут не исчезла — они сохранили и перевели на латынь 28-томный труд по сельскому хозяйству карфагенянина Магона.

Но это еще не все — сразу после Карфагена был разгромлен богатейший Коринф — из некоторых общеполитических соображений и для поддержания дисциплины среди духовных братьев и культурных доноров — греков. Видимо, судно, на котором нашли знаменитый прибор «Антикитеру», утонуло с грузом награбленного в Греции. Это оставляет открытым самый загадочный в истории технологий вопрос к римлянам: кто же и где сделал это бронзовое астрономическое чудо, где вы его украли, где «второй прибор» или это был продукт одинокого гения для себя, что крайне маловероятно?

Нам осталось задать простой политический вопрос: Рим в 146 г. до н.э. — это уже империя? Мэри Бирд пишет: «Конечно, это была насильственная империя в том смысле, что римляне получали доход от новых территорий и под угрозой насилия добивались, чтобы все шло так, как угодно им. Эта империя не была основана на аннексии... еще называли “власть отдавать обязательные к исполнению приказы” ... Это была империя послушания» (Бирд, 2018, с. 237–238). Мы фиксируем этот период как переход к другой политической ситуации в Средиземном море и окрестностях — практической гегемонией Рима, который становится империей по существу, еще не оформив юридически приобретения и не обзаведясь императором (рис. 7).

Политическая история Римской империи прекрасно описана — и она за пределами наших интересов. Пожалуй, стоит пройтись по римской политической демократии — учебнику подкупа избирателей, обещаний раздач, развлечений и новых завоеваний. При отмене налогов завоевания становятся финансовой необходимостью, поскольку налогов с провинций обычно не хватает, да еще провинциальные элиты быстро перехо-

дили в статус граждан Рима, так что внутри империи прогрессивного налогообложения явно не было. Отметим Сенат Рима — эту первую в мире номенклатуру: выбранный раз в консулы, преторы Рима, потом и в народные трибуны — переходил в Сенат. Так что доминировали все равно патрицианские семьи (рис. 8).

Рис. 7. Рим и Карфаген до Пунических войн

Рис. 8. Динарий кесаря Тиберия...

В дальнейшем судьба Римской империи (как и любой) будет зависеть от политических интриг, конфликтов, потом от императоров, его аппарата, армии и наследника, а еще будут внешние враги и мятежи в провинциях. Но Рим как город сохранял высокую концентрацию голосующего плебса, который влиял на исход выборов консулов. То есть демократия формально соблюдалась, но была не свободна от недостатков. Как пишет Мартин ван Кревельд, «когда граждане стали исчисляться несколькими миллионами и оказались рассеяны по всему полуострову, реальная власть перешла в руки римской толпы. Толпа продолжала организовываться в разные собрания, на которых председательствовали демагоги. Последние, используя раздачу хлеба и организацию зрелищ, могли управлять толпой так, как им было угодно» (ван Кревельд, 2006, с. 54).

В течение длительного периода эта уникальная система функционировала, поддерживая необходимость новых завоеваний (грабежей), чтобы обеспечивать личное потребление огромной массы людей, которые дали себе труд родиться или обрели удачу, став гражданами Рима. Сохранение власти императоров, естественно, уже зависели не от выборов, а от своей семьи, а также от армии и преторианцев. Однако экономика оказалась построена так, что можно было нанять солдат, оставляя граждан все больше в роли бюрократии, рантье и проч. Империя постепенно лишалась ядра солдат граждан Рима, которые все более становились невоенной стратой на содержании государства. А легионы формировались в провинциях из местных жителей, потом из варваров — финансы стали проблемой.

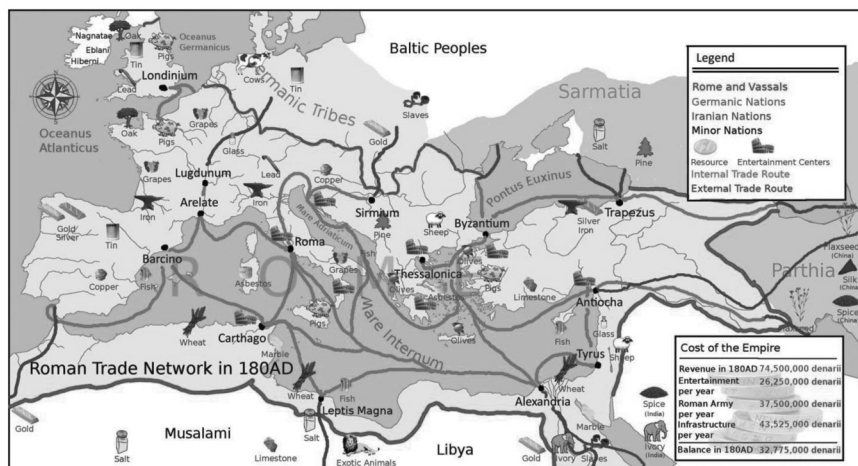

Рис. 9. Торговые пути Римской империи, ее бюджет в 180 г.

Источник: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Europe_180ad_roman_trade_map.png

Наконец, через три с половиной века после отмены налогообложения граждан Рима бюджет империи 180 г. оказывается со значительным дефицитом (более 30% — см. рис. 9). Любопытна расчетная структура расходов: армия больше трети, около четверти — на развлечения (видимо, включая религиозные и пропаганду императора), около двух пятых уходит на инфраструктуру. По правде сказать, такое разложение расходов выглядит весьма логично: идеологический контроль, хорошие дороги и порты, урбанизм. А по дорогам ходят легионы, хотя инфраструктура могла пониматься и шире.

Год 180 — это пик империи по территориальным завоеваниям, император — еще Марк Аврелий. Последний большой грабеж — это завоевание Траяном даков. Но вскоре императором станет Коммод и настанут тяжелые времена. Финансовый кризис уже подтачивает стабильность — скоро начнутся и поражения. Мы попытались на закате империи свести вместе наиболее крупные и явные плюсы и минусы Римской империи — несколько странный подход, но зато позволяет сразу охватить многие аспекты многовековой многотрудной деятельности империи, ее элиты и рядовых граждан с их рабами (табл. 1).

Таблица 1

«Плюсы и минусы» Римской империи

	+	—
Создание	Освоение Италии	Поглощение этрусков
Формирование	Право и законы	Фокус на выгоде римлян
Расширение	Единое пространство	Гибель элит и своеобразие
Культура	Сохранили для нас древнюю греческую культуру	Подорвали развитие греческой культуры
Глобализация	Обеспечение свободы торговли, движения людей и финансов; единое правовое пространство	Разгром развитых цивилизаций: Карфагена, Македонии, Коринфа, Сирии, стран Леванта
Информация и технологии	Массовое применение технологических достижений	Подрыв воспроизводства инноваций в их источниках, утилитарность
Политическое развитие	Лаборатория демократии, управления большими пространствами, вовлечение граждан в обсуждение	Демократия коррумпированная, доминирование частных интересов, и императоры
Социальная структура	Абсорбция иных народов, вольноотпущенников в гражданство Рима	Номенклатура Сената, финансовые олигархи, неустойчивость престолонаследования

	+	–
Религия	Веротерпимость и многобожие в принципе	Нетерпимость к христианскому принципиальному монотеизму
Образование	Освоение греческого наследия, уровень грамотности	Много заимствовали, но не развивали культуры других народов империи
Нравы	Создание и развитие римского образа жизни	Жестокость, холодность и беспощадность; гладиаторы
Управление	Сложные системы контроля провинций, поддержание транспортных связей	Злоупотребления наместников, грабеж данников
Земельное хозяйство	Расчистка земель для культурного земледелия	Разгром земледелия в зонах войн и у побежденных
Урбанизация	Создание сети европейских (и шире) городов	Снос многих захваченных городов
Дороги, мосты, амфитеатры	Системное создание дорожной сети для легионов, средств развлечения и контроля	Стандартизация сооружений с потерей, видимо, местной специфики (расчистка пространства и снос)

Римская империя не выдержала атак по чрезмерно растянутым границам от народов, которые посматривали на ее внутреннее благополучие как на объект переселения и/или грабежа. Адам Смит ссылается на Плиния и не только в части упадка земледелия свободных: «...в какой упадок пришло в древней Италии возделывание хлеба, как невыгодно оно стало для землевладельца, с тех пор как перешло в руки рабов» (Смит, 2007, с. 389). Отсутствие своего массового крестьянина для армии (и паразитизм избирателей) для независимости от поступлений из провинций (спустя три столетия) сыграли, как говорят в романах, свою роковую роль.

Гунны и германские племена постепенно теряли страх перед военной мощью империи, поскольку легионы сохраняли определенные боевые качества, но их состав был уже далеко не латинским. Германские и кочевые племена так долго функционировали как боевые ресурсы империи, переселялись и передвигались по империи, что изучили ее и ее военные возможности, особенно их лидеры (Атилла).

Рим долго тасовал легионы по границам, но прорывы шли тут и там. Добавим внутренние конфликты, чехарду императоров в Риме и ослабление единства управления после Марка Аврелия. Расстояния и время нападения со стороны соседей или конных кочевников были намного короче, чем способность реагировать пешими легионами. Параметр длины

периметра империи, деленного на ее резервные военные ресурсы и финансовые возможности (налоги с самих обороняемых провинций) фактически увеличивался за счет сокращения знаменателя. Империя держалась дольше, чем можно было предположить, но тем сокрушительнее был разгром Западной Римской империи и самого Рима с фантастической цивилизационной платой в размере четырех «темных веков», почти как после краха микенской цивилизации.

Византии было суждено поддерживать «огонь» в очаге цивилизации еще тысячу лет. Потом крестоносцы (1204 г.), а далее турецкая империя (1453 г.) пришли за богатствами Константинополя, у которого не было своей достаточно большой территории, на которой оборонялись бы крестьяне, защищая свои дома, хозяйства и церкви. Как римляне в Леванте, Карфагене и Коринфе, а гипотетически и «Агамемнон в Трое», если мы хотим поддержать преемственность у «царей-грабителей», завоевание означает финал цивилизации и грабеж накопленных активов, значительное разрушение инфраструктуры, частично адаптация.

Финал Римской империи был печальным, как и у большинства предыдущих или современных ей империй. Рим был разграблен вестготами в 410 г. и «окончательно» вандалами в 455 г. К падению Равенны и низложению Ромула Августа в 476 г. германцем Одоакром Западная Римская империя уже исчезла как средиземноморское («глобальное») образование с центром в Рим, системой налогов с провинций, обеспечивающее свободу торговли, передвижения людей, финансов и информации при едином правовом пространстве.

Император Восточной Римской империи Зенон из соображений удобства и превосходства официально отменил ее в 480 г. Хотя некоторые государства на территории Европы позже заявляли, что унаследовали верховную власть римских императоров, особенно Священная Римская империя, но это больше похоже на пропагандистский прием христиан по использованию героического языческого прошлого. С точки зрения развития европейской цивилизации это был колоссальный провал.

Эпизод 6. Поток из Азии в Европу — Чингисхан и чингизиды

Империи кочевников, среди которых наиболее известные в Европе — это гунны во главе с Атиллой, захват Испании маврами (но уже с исламским основанием). Турецкое вторжение на Балканы было уже не кочевническим, хотя с участием крымских татар. Венгры грабили Европу в IX–X вв., но не установили империи, «только» свое государство поверх славянского. До некоторой степени это схоже с попыткой македонцев расположиться «поверх» богатых азиатских народов и монголов Хубилая — «поверх» более развитого китайского общества. Авары, Печенеги

и Половцы останавливались в Причерноморских степях, оттесняя восточных славян к северу. Эти степи оказались идеальным пространством для кочевников, при условии наличия оседлых земледельцев и ремесленников, как для торговли, так и для периодического грабежа. Викинги много всего захватили, освоили, возглавили, но больше на драккарах — этой темы мы пока не трогаем.

Движение упомянутых кочевых племен с Востока на Запад по просторам Азии шло вслед за Великим переселением народов в Европу, которая оказалась удобным географическим тупиком с хорошим климатом, землями, водой и накопленными активами, которые можно раз-другой отобрать и некоторое время облагать налогами. Движение условно «кочевников-переселенцев» — это объективно масштабный захват земель и активов — более значимый, нежели действия «баронов-грабителей». Для кочевых продвижений, конечно, характерна жесткость в подавлении сопротивления оседлых народов, разрушение городов и производительных активов. Практически мы видим сочетание трех факторов: безжалостность по отношению к людям другого языка и культуры (религии); безвыходность в захвате материальных ресурсов для армии и/или племени, движущегося по пространству вдаль от исходных мест обитания; представление захватчиков о том, что «завтра будет другая жертва». Сочетание этих ограничений на рациональное использований уже созданных «активов» и отбрасывает назад развитие народов на пути армий и племен.

Вопрос в том, меняли ли кочевые захватчики свою роль на «стационарных бандитов» Манкура Олсона. Ведь мигранты могли освоить территорию рядом с существующим населением, отодвинуть его, наконец, навязать себя в качестве элиты и собирать налоги. В общем, на окончании пути от восточно-азиатских степей к Причерноморским степям — Австрии — Италии и Балканам мы видим несколько вариантов. Болгарские племена захватили территорию, но в конечном итоге смешались со славянским населением; мадьяры стали феодальной элитой; гунны просуществовали «внутри и рядом» со старыми римскими провинциями; Золотая Орда освоила, поглотив половцев, волжские и донские степи; а в дальнейшем татары расположились в Крыму и Причерноморье, вытеснив гунуэцев и греков. Это позволило Руси (помимо соглашений) отойти на север в лесные пространства и сохранить идентичность, хотя с понятными задержками в развитии.

До принятия иммигрантами христианства или ислама мы практически не видим массового собственного градостроительства или значительного развития культуры за пределами традиционного этноса или колоний со «своими» колонистами. Соседствующие или подконтрольные оседлые племена обеспечивали кочевые племена соответствующими товарами посредством торговли или более или менее регулярных набегов. Кочевые империи использовали ранее созданные активы и потребляли доходы до тех

пор, пока их элиты сохраняли военно-политический контроль над захваченными территориями и населением⁴.

История завоеваний Чингисхана и его потомков: Чагатай (Средняя Азия), Бату (Золотая Орда), Хубилай (Китай), Хулегу (Персия и Ирак) и других, показывает масштабы воздействия самой крупной империи кочевого происхождения Азии и мира. Монголы практически ликвидировали сопротивление прежних элит, военные слои общества, разорили столько стран, что одним безопасным торговым путем, даже «шелковым», трудно определить чисто экономический эффект завоеваний для мира (не для завоевателей, конечно). Но они перераспределяли ученых и ремесленников между собой — в частности, насильно перемещенные персидские ученые привезли математический «0» в Китай (некий плюс в КПД).

Чингизиды перекроили карту Азии и Восточной Европы, превратили торговые тракты во внутренние дороги империи. Тем, кто пережил разгром от кочевой империи, стало легче торговать. Мы никогда не узнаем, как шло бы развитие Евразии, если бы в начале XIII в. очередные проблемы кочевников в Великой Степи (перенаселение ли, похолодание ли, усиление конфликтов ли) не взялся решать харизматический военный гений Чингисхан. Снисходительное к прошлому — особенно к своему — образованное человечество скорее восхищается Чингисханом и Наполеонам, не ленится пересчитывать позитивные элементы в последующем развитии мира, независимо от человеческой цены этих перемен. Потери от «фактического» хода истории против условно «инерционного» также трудно подсчитать, как потери от колониального владычества европейцев — не вполне понятно, от чего отсчитывать. Адам Смит цитирует монаха Плано Карпино, посетившего Каракорум. Его кочевники постоянно спрашивали об овцах и коровах во Франции на предмет того, стоит ли эту страну завоевывать, а не о золоте, как через два с половиной века испанцы спрашивали индейцев в Америке (Смит, 2007, с. 420).

В империи монголов сложилось несколько гибридных форм интеграции и извлечения ренты «стационарного бандита» — в Китае Хубилай шла «интеграция сверху» захват роли (слоя) элит или даже «элит плюс», как у викингов, турок, болгар, мадьяр или диодохов Александра Македонского. В качестве императора Китая недавний вождь кочевников затекает реформы, проводит значительные институциональные преобразования, которые историки регистрируют современными терминами. Монголы гарантируют права земельных собственников, снижают налоги, улучшают дороги и коммуникации, снижают число видов преступлений, караемых

⁴ Можно предположить, что норманнские вожди и элиты «из драккаров» в странах Европы охватывали меньшие территории, более рационально относились к активам и быстрее переходили к «стационарным» режимам эксплуатации контролируемого населения, чем их кочевые аналоги.

смертной казнью и т.п. (Weatherford, 2004, p. 200). К этим временам относится развитие торговли вдоль шелкового пути, причем именно как встречные потоки: шелк везли на Запад, коней перегоняли на Восток (Beckwith, 2009, p. 22). Разумеется, торговля не сводилась к этим ключевым товарам, а охватывала в течение веков массу товаров, но также и знаний. Напомним, что дорожная сеть, поддерживаемая империей персов, длиной в 1600 миль, шла от побережья Малой Азии до Вавилона, Суз и Персеполиса и преодолевалась за неделю (Франкопан, 2018, с. 19).

Эти весьма удачные приобретения кочевниками территории, активов, культуры относительно развитых стран, видимо, превосходили по доходам эксплуатацию более простую. Последняя осталась в примитивной форме «даней — выходов», которые Золотая Орда собирала с Руси, менее богатой, чем Персия и Китай. Заметим, что спустя века восточно-европейские кочевые образования, оставались в кочевой модальности. Созданные ими центры так и не стали в доисламский период значительными культурными центрами, оставаясь трудными соседями для оседлых государств.

Выигравшей или «материально заинтересованной» стороной в империи, помимо самих чингизидов и военной элиты, стали, конечно, массы мелких военных офицеров и чиновников, которые на завоеванных территориях формировали бюрократию. Наверное, выжившие в походах (например, при неудачах атак на Японию) «солдатские массы» тоже что-то награбили. Однако все это «продовольствие и добро» не превращалось в долгосрочную материальную и человеческую инфраструктуру. Сложное сосуществование Руси со степными образованиями в конечном итоге веками тормозило развитие обеих сторон: оседлые были лишены ресурсов развития из-за дани и военных расходов (особенно от ежегодного отвлечения дворян и армии на южные рубежи); кочевники получали ренту сверх степного хозяйства.

Судьба же самой общемонгольской империи оказалась на редкость короткой и простой — великим монгольским государям не нужен был удаленный центр, а своей военно-материальной базы у нее не было. Больше того, центр монгольской империи мешал соседу Хубилаю сконцентрироваться на интеграции себя, своих потомков (и даже предков) в китайскую традицию. Он перенес столицу в Пекин (1263 г.) и «ликвидировал» Каракорум (Ман, 2007, p. 146). Так что «большая» империя распалась на улусы и последовала в небытие вслед за другими империями со слишком растянутыми внутренними коммуникациями, слишком сильными составляющими и слишком длинными границами. В отличие от империй Персии кочевой этап монгольского контроля не оставил масштабных реинвестиций собранной с данников ренты во что-то материально осязаемое и выделяемое духовное.

Монголам не удалось покорить Европу сходу, и они отказались от продолжения попыток. Они смогли победить и разграбить мусульманские

страны, постепенно переходя к «стационарной» эксплуатации. Но Султан Бейбарс остановил их в Леванте и Египте. Славянам пришлось отказаться от развития на плодородных землях Юга Восточной Европы до XVIII в. Исключительно высокие «военные издержки» и рента Орде привели естественно, к экономическому отставанию Руси от Западной Европы.

Мы не можем просчитать альтернативный вариант развития Евразии без «Чингизхана и чингизидов». Это так же трудно, как рассчитать историю Америк и Африки без колонизаторов. Сложно (хотя интересно) рассчитать судьбу Руси без «Батыева нашествия»: разрушения при завоевании, платежи во Орду, потери человеческого капитала при частых захватах людей в полон, и полноценные армии, выставляемые на южных границах Руси для защиты от кочевников — все это в течение веков.

Размышление 5. Свойства императоров и цикл жизни империй

Роль императора в империях не переоценишь при всем желании, но она всегда тяжелая и редко благодарная. Работа Плутарха относится к объектам анализа — цезарям — как личностям и государственным деятелям. Нам важнее экстрагировать тот минимум понимания роли государя императора, который важен для создания, жизни и борьбы за спасение империи. При создании империи он, обычно лидер ведущего в регионе большого и воинственного племени, принимает основные решения. Он опирается на традиции своего племени и мобилизует его на борьбу за контроль своего пространства и расширение власти внутри традиционного ареала (возможно, ядра империи в прошлом). Это условно можно назвать «персидским вариантом», кочевые империи схожи харизматическими лидерами и необходимостью миграции или обороны своих угодий. Обожествление — как в Риме — не сразу. Новая книга выдающегося историка Доминика Ливена «В Тени Богов. Императоры в мировой истории» (Ливен, 2024) дает глубокий и обширный анализ проблемы императоров и их истории, далеко за пределами нашего небольшого размышления.

Для нас важны социально-экономические аспекты жизни империй и императоров. Опора императора — армия и бюрократия, их и тасуют... Армии — несколько процентов населения — легче рекрутировать, содержать и мотивировать с использованием военной добычи. И обязательно нужна гвардия, «преторианцы» («бессмертные» — потом янычары, швейцарцы...), постоянный контингент, столичный гарнизон, полицейские силы для контроля над внутренними делами. Добыча нужна (желательно ежегодно) поскольку трудно жить на налоги на подданных за землю (от урожая), подушный и прочие, особенно с завоеванных провинций (и кормить своих граждан помимо государства). Империи обычно стремятся контролировать жизнь общества (Египет, Инки, Византия).

От императора зависят дела не только экономические и политические, но религиозные. Его вкус обычно определяет характер архитектуры, приоритеты в строительных проектах.

Императоры строят дворцы, храмы, дороги и каналы. Но помимо врагов внешних и внутренних у императоров много проблем с финансами и надежностью информации. Им нужны переписи и упорядоченный сбор налогов. Императорам помимо харизмы нужна эффективность управления, поскольку у них типично: разнородность обществ, покоренных наций, большие расстояния до провинций, и ненадежные местные власти...

КПД империй для последующего человеческого развития (в частности достижения науки, искусства) во многом зависел от качества управления, длительности существования и характера «окончания» функционирования (катастрофа или адаптация). Внутренние причины и внешние враги подрывали империи, но этот «Сизифов труд» возобновлялся. Гибель империй и гибель стран при создании империй отбрасывали человечество в развитии, но многие достижения науки, духовной жизни и материальные активы сохранялись и использовались впоследствии.

Императоры обычно имеют проблему подбора наследника — хорошего, живучего, устойчивого к болезням, причем появляющегося не слишком поздно и не раньше времени. Так что длительность существования империй очень зависит от дел семейных. А вот утрата устойчивости империй идет от внутренних финансовых проблем, затяжных засух, мятежей, заговоров и ударов кочевников или конкурирующих империй. Римская империя, казалось, управлялась с выборными консулами, но все же перешла к Цезарям, а потом при всей своей былой военной мощи утратила «ядро» и была смята. Ее имперский цикл оказался дольше большинства, но конец был грандиозной катастрофой европейской цивилизации. Спасибо, Византия спасла многое!

Размышление 6. Память потомков решает судьбу империй

«Заблуждения, заключающие в себе некоторую долю правды, — самые опасные».

Адам Смит

Имперская история, разумеется, радикально делится в наше время между странами, которые были центрами империй и остальными (но выжили). Нам несколько легче говорить об очень давних империях, чем империях, начиная с Византии, Карла Великого и исламских завоеваний. Египет, Греция, Иран, Греция, Италия, Монголия, Китай, Индия помнят свои древние империи. Мавры, германцы и викинги помнят свои завоевания первого тысячелетия нашей эры. Хазар, гуннов больше нет и их помнить некому, кроме историков. Всем остальным приходится довольство-

ваться имперскими воспоминаниями второго тысячелетия. Европейских колонизаторов — христиан — на удивление было больше всего, но об этом в другой раз.

Элиты постимперских стран (за малым исключением) помнят свои территории, славу и заслуги, но не издержки контроля и потери. Большинство прошлых империй имеет или ставит памятники основателям и героям, особенно завоевателям... Постимперские страны не особенно любят в своей истории (и культурных кодах) воспоминания о странах и племенах, которых они убрали с арены, но хорошо помнят соперничающих с ними соседей и империи-конкуренты. Империи часто ликвидировали память и элиты завоеванных стран. Рим не оставил ничего от этрусков и Карфагена, европейцы сознательно ликвидировали элиты ацтеков, инков и африканских государств. Судьба Александрийской библиотеки остается очень темной. Зеркально, элиты ранее зависимых стран минимизируют позитивные аспекты пребывания внутри империй, выбирают наиболее героические и драматические периоды и эпизоды сопротивления для формирования национальных культурных кодов.

Кто хранит, создает и переносит коды — это функция политических и интеллектуальных элит, воплощенная в истории, литературе, религиозных материалах, искусстве и литературе, проводимая через школьное образование, университеты, народные сказания или через специальные институты (армия). Создают культурные коды народы, но формулируют и закрепляют цари и жрецы, потом все это воплощается в мифы, песни, ритуалы... переносят коды семьи, общины, школы — и теперь в сети. Это проблема мультидисциплинарная, но «решаемая»: хранит народ (интеллигенция — гражданское общество), а устанавливает, пытается формировать и модифицировать — элита! В конечном итоге для длительного существования памяти (и респекта) к событиям и типу поведения и мышления нужно как минимум соответствующее образование детей.

Возможно, стоит ввести в оборот минимальный уровень памяти, который есть у основной массы населения, в памяти у учителей особенно. Ее используют элиты, особенно в драматические периоды жизни наций, когда необходимо вызвать культурные коды прошлого, иногда это делают иные слои (а потом переходят в элиты). Большая проблема, разумеется, возникает сегодня у стран или точнее элит, у которых в истории страны не было имперского периода. Возникает соблазн создать такой или иной героический период в своей истории, или же драматизировать условия и беды от пребывания своих предков (иногда выдуманных) в составе тех или иных империй прошлого.

Смена культурных кодов сверху наблюдается в мире через захват школьного образования под определенный дискурс, плюс ликвидация диалога, плюс административные ограничения оппонентов. Устойчивость отдаленных кодов остается в детской, исторической и героической литера-

туре, которая отражает историю наций. Нации с большими «пустотами» (длительными периодами без драмы или зависимостью от других) сосредотачиваются, т.е. элиты «выбирают», «интересные» моменты.

Элиты постимперских стран очень верят в полезность совместного существования, создания инфраструктуры, образования и проч. Проблема в том, что хотя это объективно верно, но недоказуемо на субъективном уровне другим элитам у потомков. Народная память и историко-литературные произведения, выработанные в периоды существования (процветания) империй древности и последующая их мифологизация, во многом определяют культурные коды многих стран, особенно «имперских» народов или наоборот наций, сражавшихся с империями или освободившихся от империалистической зависимости. Так что элиты в наше время стремятся подобрать исторический отрезок прошлого для своих актуальных нужд.

Соответственно, определения и роли империй прошлого, как и их характеристики, пытаются навязать миру заинтересованные современные элиты, активно конфликтующие между собой сейчас сквозь время и пространство прошлого. В любом случае Цинь Шихуан, Канишка, Хосров Великий, Рамзес Великий, Перикл, Александр Македонский, Октавиан Август, Чингисхан и Хубилай были выдающимися государственными деятелями. И да простят нас те великие, кого мы не упомянули подобающим образом!

Заключение. Империи древности имеют значение

Империи древнего мира появлялись с помощью харизматических лидеров, или постепенно наращивая силы племен либо городов. Кочевники изредка переходили от грабежа к «стационарной» эксплуатации. Оседлые (аграрные) империи пытались освоить пространство народов дорогами, ирригацией, установлением бюрократии с письменностью и единым языком коммуникаций. Огромными были усилия при создании империй. Концентрация ресурсов на градостроительстве и инфраструктуре, дворцах и роскоши подвигали человечество к более высокой культуре, технологиям, образованию. **Империи древности — это периоды накопления и (неравномерного) использования ресурсов развития между двумя катастрофами — созданием и гибелью империй.**

КПД империй ретроспективно определяется с огромной долей субъективизма наблюдателя: считает ли историк все народы бенефициарами на стороне достижений, которые имели место быть в более устойчивые периоды жизни империй. Или же он сосредотачивается на тяжелых издержках создания и гибели империй. Несколько раз на рассматриваемом нами периоде происходили разгромы цивилизаций: «темные века» после разгрома Микен; гибель цивилизаций при расширении Рима; гибель ци-

визаций при пробивании «шелкового пути» и гибель римского мира (хотя КПД Рима все же высок). Но человечество вряд ли хочет признать всю свою «имперскую историю» неудачей — многое удалось сохранить для тех, кто пережил тяжелые времена! Империи — грубое орудие истории — имели смысл в экономическом развитии мира, они были удивительно разные и мы живем — среди всего прочего — и их наследием.

Список литературы

- Бирд, М. (2018). *SPQR История Древнего Рима*. М.: АНФ. <https://doi.org/10.1111/hith.12050>
- Брауэр, Ю., & Вантуиль, Х. (2016). *Замки, Битвы, Бомбы*. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Бродель, Ф. (2006). *Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.* М.: Весь мир
- Брэдфорд Э. (2023). *Борьба Великих Государств Средиземноморья за мировой господство*. М.: Центрполиграф.
- Гаспаров, М. (2023). *Занимательная Греция: Рассказы о древнегреческой культуре*. СПб.: Азбука-Аттикус.
- Григорьев, Л. (2023). Петр Первый — царь догоняющего развития. *Вестник МГУ. Серия 6. Экономика*, 2. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-58-2-2>
- Громов, А. Б., & Табан, С. Н. (2017). *Персия. История неоткрытой страны*. М.: Са-дра.
- Каплан, Р. (2017). *Месть географии*. М.: КоЛибри. [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-2\(23\)-48-58](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-2(23)-48-58)
- Ливен, Д. (2024). *В Тени Богов. Императоры в мировой истории*. М.: АСТ. <https://doi.org/10.31857/S2949124X23020177>
- Мэддисон, А. (2012). *Контурсы мировой экономики 1–2030*. М.: Изд-во Института Гайдара. https://doi.org/10.1111/j.1468-0289.2008.00436_33.x
- Норт, Д. Структура и изменения в экономической истории. <https://doi.org/10.1177/003232928201100416>
- Норт, Д. Институты и экономический рост. Историческое введение. [https://doi.org/10.1016/0305-750X\(89\)90075-2](https://doi.org/10.1016/0305-750X(89)90075-2)
- Сайкс, П. (2021). *История Афганистана*. М.: Центрполиграф. <https://doi.org/10.4324/9781315828107>
- Смит, А. (2007). *Исследование о природе и причинах богатства народов*. М.: Эксмо. <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226763750.001.0001>
- Тойнби, А. Дж. (2011). *Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад*. М.: Астрель.
- Франкопан, П. (2018). *Шелковый путь. Дорога тканей, рабов, идей и религий*. М.: Эксмо.
- Baldwin, R. (2016). *The Great Convergence*. Harvard Un. Press. <https://doi.org/10.1080/09538259.2019.1644736>
- Beckwith, C. I. (2009). *Empires of the Silk Road. A History of Central Eurasia from Bronze Age to the Present*. Princeton Un. Press, UK. <https://doi.org/10.2307/23044587>
- Broadberry, S. (2016). *When and how did the Great Divergence Begin?* Nuffield College, Oxford.
- Chua, A. (2007). *Day of Empire*. NY: Anchor Books. <https://doi.org/10.1080/13537110802701013>

De Callatay, F. (1989). Les résors achéménides et les momayages d'Aiexandre : espèces immobilisées et espèces circulmtes? *L'or perse et l'histoire grecque. Revue des etudes Anciennes, XCI*(1-2), 256–278.

Huntington, S. P. (2002). *The Clash of Civilizations and the remaking of world order*. London: The three press. <https://doi.org/10.2307/2648036>

Koot, G. (2013). *The Great Divergence: Explaining why Asian economic growth lagged behind European growth, 1500–1870*.

Man, J. (2006). *Kublai Khan. The Mongol King who remade China*. London: Bantam

Not: Global Economic Divergence, 1600–1850.(2012). <https://doi.org/10.1017/CBO9780511993398>

Pagden, A. (2008). *Worlds at War. 2500-Year Struggle East & West*. NY: Oxford Un. Press. <https://doi.org/10.1215/0961754x-2009-039>

Pomeranz, K. (2000). *The Great Divergence: China, Europe, and the Making of the Modern World Economy*. <https://doi.org/10.2307/j.ctt7sv80.1>

Nationalizing Empires. (2015). Edited Stefan Berger and Alexei Miller, CEU press, Budapest – New York. <https://doi.org/10.1515/9789633860175>

Scheidel, W. *The Great Leveler. Violence and Inequality from the stone age till the twenty-first century*. <https://doi.org/10.1093/icon/moy105>

Sen, A. (2006). *Identity and Violence. The illusion of Destiny*. NY: W.W. Norton & Company. <https://doi.org/10.1080/19472490903387282>

Vries, P. *Challenges, (Non-)Responses, and Politics: A Review of Prasannan Parthasarathi, “Why Europe Grew Rich and Rich and Asia Did”*. <https://doi.org/10.2307/23320190>

Weatherford, J. (2004). *Genghis Khan and Making of the Modern World*. NY: Three Rivers Press. <https://doi.org/10.26153/tsw/9393>

White, L. A. (2007). *The Evolution of Culture. The Development of Civilization to the Fall of Rome*. Walnut Creek, Left Coast Press. <https://doi.org/10.4324/9781315418575>

References

Beard, M. (2018). *SPQR History of Ancient Rome*. Moscow: ANF. <https://doi.org/10.1111/hith.12050>

Brauer, J., & Vantuil, H. (2016). *Castles, Battles, Bombs*. Moscow: Gaidar Institute Publishing House.

Braudel, F. (2006). *Material Civilization, Economy, and Capitalism, 15th–18th Centuries*. Moscow: Ves' Mir

Bradford, E. (2023). *The Struggle of the Great Mediterranean States for World Domination*. Moscow: Tsentrpoligraf.

Gasparov, M. (2023). *Entertaining Greece: Stories about Ancient Greek Culture*. St. Petersburg: Azbuka-Atticus.

Grigoriev, L. (2023). Peter the Great — the Tsar of Catch-Up Development. *Moscow State University Bulletin. Series 6. Economics*, 2. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-58-2-2>

Gromov, A. B., & Taban, S. N. (2017). *Persia. History of the Undiscovered Country*. Moscow: Sadra.

Kaplan, R. (2017). *The Revenge of Geography*. Moscow: KoLibri. [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-2\(23\)-48-58](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-2(23)-48-58)

Lieven, D. (2024). *In the Shadow of the Gods. Emperors in World History*. Moscow: AST. <https://doi.org/10.31857/S2949124X23020177>

Maddison, A. (2012). *Contours of the World Economy 1–2030*. Moscow: Gaidar Institute Publishing House. https://doi.org/10.1111/j.1468-0289.2008.00436_33.x

North, D. *Structure and Change in Economic History*. <https://doi.org/10.1177/003232928201100416>

North, D. *Institutions and Economic Growth. Historical Introduction*. [https://doi.org/10.1016/0305-750X\(89\)90075-2](https://doi.org/10.1016/0305-750X(89)90075-2)

Sykes, P. (2021). *History of Afghanistan*. Moscow: Centerpoligraf. <https://doi.org/10.4324/9781315828107>

Smith, A. (2007). *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. M.: Eksmo. <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226763750.001.0001>

Toynbee, A. J. (2011). *Civilization before the court of history. The world and the West*. M.: Astrel.

Frankopan, P. (2018). *The Silk Road. The road of fabrics, slaves, ideas and religions*. M.: Eksmo.